

УДК 81'33:94(47)

СТРАТЕГИЯ ЭВФЕМИЗАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.А. Беседина, Т.В. Буркова, А.Н. Мичурин

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
e.besedina@spbu.ru

В статье предпринята попытка системного и сравнительного анализа высказываний деятелей Государственной думы и Государственного совета Российской империи с целью описания стратегии эвфемизации, использовавшейся ими в политическом дискурсе августа 1914 – февраля 1917 г. Были изучены особенности политической лексики того периода, причины употребления эвфемизмов, рассмотрена динамика использования эвфемизмов в политическом языке. Показаны причины и проявления постепенного расширения практики использования эвфемизмов в политических речах депутатов Государственной думы и членов Государственного совета под влиянием кризиса политического дискурса, замена денотата дисфемизмами и переход к агональным принципам в политической борьбе.

Ключевые слова: политический язык, Российская империя, Государственная дума, Государственный совет, политический дискурс, политический эвфемизм, политическая лингвистика.

Для цитирования: Беседина Е.А., Буркова Т.В., Мичурин А.Н. Стратегия эвфемизации при формировании политического дискурса российского парламента в годы Первой мировой войны // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 75-84.

DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-75-84

1. Введение

Анализ политического языка и политических текстов, в том числе исторических, является актуальной научной проблемой (см. подр.: [Герасименко 1998; Гусев 2006; Ван Дейк 2013; Дулесов 2018] и др.). Процессам сначала завоевания, а затем удержания симпатии и доверия населения подчинена вся деятельность политических и общественных деятелей. Однако интересы масс и политиков зачастую не совпадают, поэтому последние не могут добиться нужного эффекта только путем рационального убеждения. Подчас им приходится прибегать к различным приемам, прежде всего риторическим, различным стратегиям речевого воздействия на эмоции масс, но так, чтобы завуалировать свои первоначальные цели. Для этого используется особый политический язык, полный скрытых смыслов, что было характерно и для политического дискурса в российском парламенте в годы Первой мировой войны (см. подр. [Мичурин 2011]).

Сущность и специфику политического дискурса рассматривали в своих трудах А.Н. Баранов, М.М. Бахтин, Э.В. Будаев, Н.А. Герасименко, Ю.С. Степанов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал

и другие ученые. Следует отметить, что часть исследователей политического дискурса ограничивается при его изучении только деятельностью политиков, т.е. профессиональными рамками. Другие авторы, например Е.И. Шейгал, считают, – и это кажется более справедливым, – что политический дискурс практикуется и как институциональное общение, но для него характерно употребление определенной системы профессионально ориентированных знаков, т.е. у него существует собственный подъязык (лексика, фразеология, паремнология) [Шейгал 2000]. Немаловажен для рассматриваемой темы и вывод о роли средств массовой информации в процессе обретения политическим дискурсом публичного характера [Ровинская 2002].

Важной частью политического дискурса является политический язык, представляющий собой систему коммуникативных инструментов кодирования политической информации, манипулирования и управления, провоцирования политических действий. В качестве одной из существенных черт политического языка можно назвать использование эвфемизмов, вызванное необходимостью замены слов, являющихся политическими табу.

Проблемы эвфемии не новы для лингвистики (подробный анализ исследований см., например [Алексикова 2010]). Традиционно под эвфемизмами понимаются «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными», а также «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [ЛЭС 1990: 590]. С позиций современной когнитивной лингвистики эвфемизация рассматривается не с точки зрения внутрисистемных отношений между единицами языка, а как «механизм формирования смысла, в основе которого лежат определенные концептуальные схемы и модели вторичной интерпретации знаний» [Болдырев, Алексикова 2010: 5]. Соответственно, она представляет собой вторичную репрезентацию знаний в языке, приводящую к формированию нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания. Эвфемия направлена на нейтрализацию исходной отрицательной характеристики, ассоциированной с первичным знанием (см. подробнее [Алексикова 2010]). В качестве языковых механизмов эвфемизации выступают, например, вторичная номинация, основанная на приемах специализации и генерализации значения, метафоры, метонимии, словообразовательная номинация, синонимическая/антонимическая замена, антифразис, литота и гипербола (см., например: [Нам 2005; Болдырев, Алексикова 2010]).

Предметом изучения в предлагаемой статье является стратегия эвфемизации при формировании политического дискурса в Российском парламенте в годы Первой мировой войны, точнее – в период от начала войны (август 1914 г.) до событий Февраля 1917 г. Для этого авторы предприняли анализ нестабильного политического дискурса Государственной думы и Государственного совета, характерного для их деятельности в указанных хронологических рамках.

Напомним, что в связи с ухудшением обстановки на фронте в 1915 г. в российском парламенте возник оппозиционный «Прогрессивный блок», в который вошли почти все фракции Государственной думы (кроме крайне правых и крайне левых) и часть членов Государственного совета. Эти силы объединились на фоне возрастающей в обществе тревоги за судьбу страны, но убедить различные части «Прогрессивного блока» в необ-

ходимости продолжения совместной политической борьбы, примирить непримиримые политические программы можно было только используя эзопов язык, эвфемизацию речи.

Для анализа развития стратегии эвфемизации в политическом дискурсе Российской империи в годы Первой мировой войны авторами был привлечен широкий круг источников: материалы периодической печати, мемуары участников событий, стенографические отчеты Государственного совета и Государственной думы, частная переписка – в том числе и из коллекций архивов: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Рукописного отдела Российской Государственной библиотеки (РО РГБ).

2. Мотивы использования эвфемизации в парламентских речах российских политиков в 1914–1917 гг.

В довоенный период существования в России «думской» монархии (1906–1914 гг.) в парламенте существовало устойчивое табуирование некоторых политических терминов, носивших негативную окраску, что вело к образованию политических эвфемизмов. Например, парламентаризм заменялся эвфемизмом «народное представительство», республика – «народоправие», республиканцы – «демократические круги», царь Николай II – «монарх», «самодержец», правительство – «власть», «бюрократия», революционер – «патриот», отставка правительства – «бойкот», повешение – «столыпинский галстук» и т.д. Первая мировая война и вызванный ею политический кризис резко ускорили распространение практики применения эвфемизмов в публичной полемике.

Рассмотрим подробнее причины использования политических эвфемизмов в парламентских речах, политическом эпистолярном жанре и газетных текстах в годы Первой мировой войны. Е.И. Шейгал выделяет семь основных мотивов, которыми руководствуются создатели политических эвфемизмов [Шейгал 2004]. Все они типичны и для рассматриваемого хронологического периода.

1. *Стремление скрыть или преуменьшить остроту социальных проблем с целью снижения уровня общественной напряженности и социального конфликта.* Как в думских кругах, так и в обществе шла работа по объединению всех оппозиционных элементов под лозунгом введения в Совет министров популярных общественных деятелей. Д.М. Щепкин в личной переписке в ав-

густе 1915 г. отмечал, что председатель Государственной думы М.В. Родзянко «считает необходимым немедленное **составление Кабинета**» (здесь и далее выделено авт.) (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 604). За эвфемизмом «составление Кабинета» Д.М. Щепкин «прячет» идею отставки существующего правительства. Газета «Утро России» очень саркастически отозвалась о терминологии В.А. Маклакова, который, затронув в речи в Государственной думе вопрос о назначениях в правительство, заявил, что только «**страна**» может назвать обладающих авторитетом людей. «Утро России» по этому поводу замечало, что «**страна**» – понятие растяжимое, туманное и неопределенное, «...это часто эффектный оборот речи, которым нельзя играть при реализации деловых вопросов...» (Утро России. 1915. 4 августа).

2. Попытка закамouflировать совершение неправых и аморальных действий, чтобы избежать их общественного осуждения. Так, 29 января 1917 г. на собрании Центрального военно-промышленного комитета член Государственного совета «князь Друцкой» (князь Н.Н. Друцкой-Соколинский) в очень туманных выражениях высказывался эвфемизмом «за **оповещение масс**» о решениях руководящих кругов оппозиции. «Однако все сразу же поняли его мысль, определенно формулированную замечанием присутствовавших на собрании рабочих, шутливо заметивших, что “князь, по-видимому, говорит о необходимости постановки нелегальной техники и органа”» (Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 182-183).

3. Средство сохранения репутации политика. Член Государственного совета А.В. Васильев (левый) выступал на конференции кадетской партии за краткую сессию законодательных палат, т.к. при длительной сессии «**всплывут разногласия**». Это ясно понимал и один из основателей «Прогрессивного блока», граф Д.А. Олсуфьев: «Мы фактически проводим парламентское министерство. Отсюда секрет. Если правительство не примет, – никаких революционных последствий». А кадетская газета «Речь» 5 августа 1915 г. связывала зарождение блоков в верхней палате – Государственном совете – с желанием правых создать какое-либо объединение с умеренно правыми. В материалах газеты, кроме того, делались прозрачные намеки на ответные ходы и использовался эвфемизм «деловой консерватизм» для замены слова «оппозиция»: «С другой стороны явственно обозначилась нарождающаяся

группировка вокруг В.Н. Коковцова, который, по-видимому, будет лидером “делового консерватизма”» (Речь. 1915. 5 августа).

4. Способ спасти лицо адресата (прямого или косвенного) – политического субъекта с более низким статусом. Денотат при этом может менять знак с положительного на отрицательный, как например, термин «**ответственное министерство**» в устах правых. Член Государственного совета, известный своими правыми взглядами, граф А.А. Бобринский в интервью газете «Утро России» в августе 1915 г. открыто признал возможность «**ответственного министерства**». Это возмутило ортодоксальных правых и вылилось в публичную полемику между членами правой группы Государственного совета. Вышедший из правой группы князь А.Н. Лобанов-Ростовский с возмущением писал в своем заявлении: «Я увидел, что неизбежно дальнейшее движение группы в различные “политические дебри”. Так как это противоречит моим убеждениям, то я выхожу из этой группы “далеко не правой”» (Утро России. 1915. 25 августа).

5. Разновидность принципа вежливости как мотива эвфемизации является необходимостью соблюдать дипломатический этикет. П.Н. Милюков прямо говорил в Государственной думе: «Г.г., с таким правительством мы работать не можем, не можем совсем не в том смысле, чтобы мы этому правительству объявили бойкот. Бойкота и обструкции мы не объявляли и не объявим» (Государственная дума. 4-й созыв, сессия 5: Стенографические отчеты. Пг., 1916–1917. Стб. 338). Эвфемизм «**бойкот**» как заимствованное слово в русском языке удобно скрывало термины «отставка правительства» и «вотум недоверия правительству».

6. Средство завоевания поддержки тех или иных политических сил. Во время конференции конституционно-демократической партии (июнь 1915 г.) ее лидер П.Н. Милюков, оправдывая поведение кадетской фракции во время войны, отмечал, что критика правительства в январскую сессию парламента «могла сыграть лишь на руку самым нежелательным элементам в составе кабинета и укрепить их положение, тогда начавшее колебаться». Далее он развивал теорию о том, что «**ответственное министерство**» не та цель, за которую следует бороться при нынешнем положении вещей, и предлагал ограничиться выдвижением лозунга «**министерства доверия**». «Министерство, пользующееся доверием населения – вот чего, в сущности, требует теперь

страна. Это – идеал, приближения к которому мы должны добиваться» (Кадеты в дни галицийского разгрома, 1915 // Красный архив. 1933. Т. 59/4. С. 112). Данный текст показывает использование эвфемизма «**министерство доверия**» – под которым выступает стилистически нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичной языковой единицы «**ответственное министерство**», представлявшей говорящему неприличной, грубой или не тактичной. Исходный денотат «**ответственное министерство**» был неприемлем для большинства участников «Прогрессивного блока», т.к. подразумевал ответственное перед Думой, а не перед Царем правительство, т.е. переход к конституционной монархии.

7. *Необходимость снять ответственность с каких-либо сил, политических деятелей за счет перераспределения вины.* Например, депутат Думы Г. Гутоп отмечал в частной переписке: «О себе мне писать нечего, ибо я только один из *“малых сил”*, что толкут воду в ступе, давая тем материал для газетных писаний и только дразня чаяния населения, воображающего, что Дума что-то *“может”*. Ничего она не может, и мы напрасно только сотрясаем воздух своими воплями» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062/1. Л. 1209). В документе активно используются кавычки при образовании эвфемизмов, заменяющих выражения и негативные оценки деятельности оппозиции.

В результате анализа изученных источников можно выделить некоторые особенности политических эвфемизмов, характерных для российского парламента 1914 – февраля 1917 г. Прежде всего к таким особенностям относятся мотивированность политиков – продвижение собственных идей путем грамотного убеждения народа и использования специальной политической лексики. Кадеты объясняли свое неприсоединение к поправке прогрессистов о немедленном введении ответственности правительства неопределенностью ее формулировки, прозвучавшей в речи И.Н. Ефремова: «В последней признак *“ответственности”* понимался то в моральном, то в юридическом смысле. Говорилось то о *министерстве “доверия”*, то о *министерстве коалиционном*, то действительно о *министерстве “ответственном”*, в смысле парламентаризма» (Государственная дума. 4-й созыв: Фракция Народной Свободы. Военные сессии 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1916 г. 4.1. Пг., 1916. С. 25).

Следует также отметить наличие определенных ценностных доминант, причем политики

искали языковое выражение этих ценностей, основываясь на желании подчеркнуть их важность в культуре «соответствующего» общества. Для «своих» можно было использовать более определенные эвфемизмы, а «ответственное правительство» уже не играло роль исходного для образования от него эвфемизмов и само становилось эвфемизмом для термина «парламентаризм». На заседании 19 июня 1915 г. представители фракций центра, октябристов и националистов ратовали за *опирающееся на общественные круги правительство*, а прогрессист И.Н. Ефремов требовал, чтобы правительство признало *свою ответственность перед народным представительством* (Государственная дума. 4-й созыв, сессия 4: Стенографические отчеты. 4.1–3. Пг., 1915. Стб. 183).

Использование «магических» функций языка помогало изобретать новые, полезные или необходимые для текущего момента эвфемизмы-мифологемы. Так, кадеты присоединились к следующей формуле перехода, предложенной тремя фракциями (русских националистов, земцев-октябристов, центра): для достижения победы над врагом необходимо *«тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным доверием»* (Государственная дума. 4-й созыв, сессия 4: Стенографические отчеты. 4.1–3. Пг., 1915. Стб. 72). *«Полное доверие»* – урезанный эвфемизм от «**министерство доверия**», который пришлось еще больше сократить и смягчить, чтобы голосование прошло успешно.

В семиотическом плане важна способность образовывать оппозицию «свой – чужой», «мы – они» вместе с дисфемизмами, причем для своих использовались эвфемизмы, а для чужих – дисфемизмы. Эта особенность характерна, например, для речи А.Ф. Керенского: *«Уйдите! Вы губите страну! Мы хотим ее спасти! Дайте нам управлять страной, иначе она погибнет»* (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. Л. 47-47об.). *«Вы»* – эвфемизм от смягчения негативного в этом контексте слова «правительство», *«мы»* – оппозиция.

Использование лозунговых слов (политических аффеков) было удобной возможностью замаскировать идеи, которые могли вызвать негативную реакцию вероятных союзников или части общества: *«Все для народа, но не врозь, а рука об руку, в тесном сотрудничестве с ним»* (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. Л. 16). *«Все для народа»* – эвфемизм, за которым скрывалось «народное представительство», *«в тесном сотрудничестве с ним»* – «**министерство доверия**».

Еще одной особенностью процесса эвфемизации становилась номинация, которая предназначалась для затушевывания нежелательных смысловых составляющих, но в то же время не выходила из референциальной сферы исходного значения. Формула перехода к очередным делам, принятая Государственным советом, отличалась от соответствующей формулы Государственной думы и ничего не говорила о **«министерстве доверия»**: *«В несокрушимом убеждении, что в единении Монарха с Богом вверенным Ему народом, в неиссякаемом мужестве наших родимых защитников и в дружном неослабном сотрудничестве Правительства, Государственной Думы и Государственного Совета, многомиллионная, единая, необъятная Россия почерпнет ту силу, пред которой развеется в прах посягающие на свободу народов замыслы наших врагов, – Государственный Совет переходит к очередным делам»* (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. Л. 19). Тем не менее общий смысл процитированного текста близок к смыслу документа, принятого 20 июля 1915 г. Государственной думой, а под эвфемизмом **«свобода народов»** следует понимать термины «парламентаризм», «демократия», «народное представительство».

Наконец, в военный период оппозиционные парламентарии особенно часто прибегали к риторическим стратегиям для привлечения общественного внимания. Представитель левой группы Государственного совета Д.Д. Гримм говорил: *«Нельзя одновременно служить двум богам: нельзя исповедовать в международных отношениях великие начала свободы и права, а в области внутренних отношений игнорировать их. Это было бы беспримерным политическим лицемерием и цинизмом»* (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. Л. 15об.). **«Великие начала свободы и права»** – эвфемизм, под которым подразумеваются табуированные для части депутатов в этот период «парламентаризм» и «конституционализм».

3. Эвфемизация в дискурсе оппозиции в 1915 г.

Образование «Прогрессивного блока», состоявшего из отличающихся по политическим программам группировок, усложнило задачи, стоявшие перед деятелями оппозиции: если раньше при использовании эвфемизмов учитывались только собственные политические взгляды и установки, то теперь приходилось изобретать «универсальные эвфемизмы», пригодные для разнообразных речевых практик.

Использование в годы Первой мировой войны в парламентской политической борьбе различных тактик неминуемо приводило к персуазивности. Персуазивная коммуникация осуществляется через конкретные действия: убеждение, переубеждение и уговоры (см. подр. [Михалёва 2009]), которые имеют свои особенности, затрагивая как рациональную, так и эмоциональную сферу. С точки зрения персуазивности можно выявить определенные функции эвфемизмов в политическом дискурсе Первой мировой войны: во-первых, смягчение значения слов с целью успокоить общественное мнение; во-вторых, маскировка негативных сторон непопулярных в обществе мероприятий правительства, незаконных или аморальных действий властей, особенно в случае крупных политических скандалов; в-третьих, намеренное искажение сути явления для оправдания действий отдельных лиц, государственных учреждений и в пропагандистских целях. Проведенный анализ источников показал, что в выступлениях российских парламентариев периода Первой мировой войны были использованы различные способы образования эвфемизмов (см., в частности, классификацию в [Москвин 2001]).

1. *Эвфемизмы, образованные на основе двусмысленной речи.* Примером является речь барона Р.Р. Розена в Государственном совете 22 августа 1915 г., в которой содержится призыв выровнять **«внутренний фронт в уровень с политической идеологиею наших доблестных союзников»** (данный эвфемизм применен вместо термина «парламентское правление»). По словам Розена, вражеская пропаганда не приносит и десятой доли того вреда, какой причиняет России политика правительства в еврейском вопросе и **«наше систематическое насиливание правосознания финляндского населения»**. (В этом случае налицо даже употребление дисфемизма вместо термина «русификация», что можно объяснить остротой национального вопроса для России и существованием во властных структурах разных мнений по поводу путей его решения). Оратор отмечал, что в этой войне **«против покушения на свободу и независимость слабых Россия стала на стороне права и свободы вместе со своими доблестными союзниками, и для торжества идей, за которые мы боремся сообща, необходимо, чтобы и в России более не было неправых и угнетенных»** (РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1915 г. Д. 2. Л. 78-78об.). Кадетская «Речь» 23 августа 1915 г. вообще охарактеризовала речь Розена, полную эвфемизмов, не просто как сенсацию, а как *«круп-*

ное явление, на которое должно быть обращено общественное внимание».

2. Эвфемизмы, образованные на основе нарочитой неясности. П.Н. Милюков говорил: «Я хочу сказать, что в исходе войны, в случае нашей победы, мечтают **о перемене курса... ждут другой политики... ждут свободы...**» (Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 115). Используя такие эвфемизмы, как «**перемена курса**» вместо «кадетского правительства», «**другая политика**», «**свобода**», можно было делать самые широкие обобщения, которые постепенно, в том числе при умелом использовании персуазивного воздействия, должны были привести массы к убеждению в том, что армия сражается за свободу на фронте, а общественность – в тылу.

3. Эвфемизмы, образованные на основе неточной речи. Конституционный монархист, депутат III и IV Государственных дум Н.В. Савич, весьма скептически относившийся к «Прогрессивному блоку», очень метко замечал: «**Как бы то ни было, фракции на программе договорились, хотя каждая из них понимала ее по-своему**» (Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 165). Для достижения договоренности и употреблялись эвфемизмы, например, за выражением «**автономия Польши**» стояла идея о независимости Царства Польского, не приемлемая для националистов, входивших в оппозиционный блок.

4. Эвфемизмы, образованные путем прямого обозначения предмета (с помощью терминологии, иноязычных слов). Например, октябрист В.В. Меллер-Закомельский, входивший в состав Госсовета, разъяснял думским представителям, что невозможно добиться подписей членов Государственного совета под программой «Прогрессивного блока», т.к. «**члены по назначению, в громадном большинстве, не считают возможным принимать личное участие в петициях и других выступлениях**». П.Н. Милюков давал свое объяснение сложившейся ситуации: «**на совещании сочувствующих членов Гос. Совета программа была обсуждена и одобрена *en bloc***» (Милюков П.Н. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 30). «**En bloc**» – типичный эвфемизм, показывающий, что программу оппозиции группы подписывали «целиком» (т.е. коллегиально, «все», но лично – никто). Надо сказать, что представители правых сил указывали на скрытый смысл использования эвфемизмов оппозицией: «**В крайнем случае, в силу необходимости, где нужно будет употребить иностранное выражение, там сейчас же произнесенное слово**

должно быть выговорено и по-русски», ведь «**иностранными выражениями и так за последнее время сбили всю русскую народную массу с истинного пути**» (например, слова: «**парламент**», «**экспроприация**», «**аграрный вопрос**» и т.д.)» [Яновская 2005].

5. Эвфемизмы, образованные на основе слов-определителей с «диффузной» семантикой. Е.Д. Куломзина писала 9 августа 1915 г. своему мужу, А.Н. Куломзину, председателю Государственного совета: «**...в особенности речи Членов Думы весьма интересны и подчас комичны!**...» (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 344. Л. 47-47об.). «**В особенности**» – эвфемизм, за которым скрывается негативное выражение «все речи оппозиционных Членов Думы».

6. Использование в качестве эвфемистической стратегии аббревиатур. Оппозиционными политиками активно применялись такие аббревиатуры, как **ВЗС** – Всероссийский земской союз; **ВСГ** – Всероссийский союз городов; **Земгор** – Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов; **Земгусары** – служащие Земгора и т.д. Аббревиатуры в данном случае маскировали названия связанных с оппозиционным «Прогрессивным блоком» общественных организаций и их служащих, замешанных в коррупционных скандалах.

4. Переход от эвфемизации к дисфемизации и политической агональности

Процесс эвфемизации тесно связан с процессом дисфемизации, т.е. обозначением какого-либо предмета, явления или действия более вульгарным, грубым словом или выражением. Находясь в оппозиционных отношениях с эвфемизмами по признаку оценочного ассоциата, дисфемизмы придают большую степень негативной окраски денотату, предназначены для отрицательного воздействия на коммуниканта и используются обычно в стратегии дискредитации (оскорбления, обвинения, издевки, сарказма). Кроме того, прежде всего через дисфемизмы преследуется цель разоблачения или обличения действий политиков или правительственных органов.

Будет ли слово выступать в качестве эвфемизма или дисфемизма – зависит от ситуации общения. Так, по мере нарастания кризиса в стране и обществе в политическом дискурсе Первой мировой войны наблюдался постепенный процесс замены эвфемизмов дисфемизмами. Кроме того, оттенки эвфемизмов зависели от контекста их использования, и в некоторых случаях эвфемизмы

превращались в дисфемизмы. Например, член «Прогрессивного блока» В.И. Герье, в частном письме оценивая выступление лидера блока П.Н. Милюкова в Государственной думе, но прямо не называя его, прибегает к дисфемизму: *«Но, что простительно Чхеидзе и ему подобным, то неппростительно дипломированному нахалу. Это свойство его мне известно с его студенческой скамьи»* (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061/1/. Л. 1117). Ярче всего дисфемизация проявляется в газетных текстах, авторы которых прибегают к использованию самых разнообразных речевых стратегий и тактик. В марте 1915 г. прогрессисты требовали смены правительства, но тогда лидер кадетов П.Н. Милюков предостерегал их от *«перепряжки лошадей во время переезда через реку»* – так с помощью эвфемизма он сравнивал смену министерства во время войны. Но пройдет всего полтора года, и газета «Утро России» выйдет с передовой статьей «Последний час»: *«Мы произнесли знаменитую фразу: – «Во время переправы через реку лошадей не перепрыгают. А если бы мы знали все? Всю правду? До конца? Если бы вся Россия знала правду? Мы бы отшатнулись в ужасе от этих “лошадей”. – Прочь их! Долой! Именно во время переправы! Потому что они утопят нас в реке. Прочь! Лучше пойдем в брод! Вплавь! Но только не на этих лошадях»* (Утро России. 1916. 27 ноября). Однако в связи с цензурой военного времени газетные материалы требуют сравнения с другими источниками (стенограммами, письмами, мемуарами и т.д.).

Следует особо отметить использование в политическом дискурсе, наряду с дисфемизмами, агональных знаков. В политической лингвистике агональность трактуется «как одна из базовых характеристик политического дискурса, связанных с интенцией борьбы за власть» [Шейгал, Дешевова 2009: 145]. Агональность может быть связана с вербальной агрессией, конфликтом и носит манипулятивный характер, для чего в политике прибегают к дисфемизации качеств оппонента.

Необходимость изучения оценок в дискурсе привела к выводу о том, что «на когнитивном уровне субъект, познавая объект оценки, определяет его координаты в когнитивном пространстве, выделяя и идентифицируя его, устанавливая его место в окружающем мире» [Никитин 2000: 17]. Не случайно программа «Прогрессивного блока» состояла из двусмысленных пунктов (т.е. явно использовались политические эвфемизмы), ка-

савшихся разрешения русско-польских противоречий (*«пересмотр узаконений о польском землевладении»*), а также еврейского вопроса (*«вступление на путь отмены ограничений в правах евреев»*). 3 сентября 1915 г. из-за неприятия программы «Прогрессивного блока» правительством в Государственной думе сложилась взрывоопасная обстановка. Раздавались голоса в духе предложений И.Н. Ефремова и А.И. Коновалова: *«объявить себя Учредительным собранием»* (Родзянко М.В. Крушение империи. М., 1928. С. 134), таким образом, использовался лозунг Великой Французской революции, являвшийся эвфемизмом слова «революция».

Важную роль в переходе от эвфемизации к дисфемизации и конфронтативной агональности в политическом дискурсе парламентариев в годы Первой мировой войны сыграла знаменитая речь П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», произнесенная им в Государственной думе 1 ноября 1916 г., т.е. в то время, когда наступала кульминация в развитии политического кризиса. Справедливым в этой связи представляется замечание С.П. Мельгунова о том, что *«... слово об “измене”... с этого времени ... как бы получило общественную санкцию»* (Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, б/г. С. 75). После 1 ноября 1916 г. всем стало ясно: или глава царского «безответственного» перед Государственной думой правительства Б.В. Штюрмер покинет свой пост, или волна обличений в «измене» продолжится. Налицо прямая замена эвфемизма «германофильство» на дисфемизм «измена». 3 ноября 1916 г. в своей речи в Государственной думе В.А. Маклаков суммировал желания «Прогрессивного блока»: *«...либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»* (Государственная дума. 4-й созыв, сессия 5: Стенографические отчеты. Пг., 1916–1917. Стб. 135). «Мы» – эвфемизм слова «оппозиция», «они» – в данном случае не эвфемизм, а дисфемизм, заменяющий слова «правительство», «Николай II», «придворные круги». «Они» в речи Мельгунова – воплощение зла, с которым идет смертельная борьба.

Конфликт мнений и стремление выйти за рамки обыденного видны и на заседании Государственной думы 19 ноября 1916 г. Главной темой того дня стало выступление монархиста В.М. Пуришкевича, риторика которого была известна в Думе употреблением дисфемизмов и частым переходом к агональности. Его речь была напечатана в прессе практически без купюр, за исключением призыва: *«Да, не будет Гришка Рас-*

путин руководителем русской внутренней, общественной жизни!» (Государственная дума. 4-й созыв, сессия 5: Стенографические отчеты. Пг., 1916–1917. Стб. 288). Вероятно, Пуришкевич сознательно не стал прибегать к более «сильным» дисфемизмам для определения Григория Распутина (**Гришка Отрепьев, Змей-Горыныч, хлыст, темные силы, Глава камарильи** и т.д.), но из газетной версии его речи убрали и этот пассаж, т.к. в нем был использован дисфемизм с именем «**Гришка**», создававший явную аллюзию с самозванцем XVII в. Одновременно возник эпоним, усложнявший текст для понимания, но усиливавший его эффект, связанный с происхождением «**Гришки Распутина**» от самозванца, ставшего в России именем нарицательным. Такой подход, переводящий явно напрашивающийся дисфемизм в состояние конфронтативной агональности, произвел сильное впечатление на депутатов. 22 ноября того же года Н.С. Таганцев в своей эмоциональной речи призывал членов Государственного совета вновь вернуться к выступлению Пуришкевича: *«Вы слышали его страстный призыв к борьбе с новым воплощением Змея-Горыныча наших былин; г.г. Члены Государственного Совета, я молю Вас: забудьте партийные колебания и расчеты, соединитесь воедино, под одну общую формулу предостережения – **отечество в опасности!**»* (РО РГБ. Ф. 171. К. 9. Д. 1. Л. 88). За эвфемизмом «**Змей-Горыныч**» скрывался Григорий Распутин. С одной стороны – это эвфемизм, т.к. имя Распутина не называется по причине военной цензуры. С другой стороны – это определение может быть истолковано как дисфемизм, поскольку Змей Горыныч является воплощением зла в русском эпосе. Князь Е.Н. Трубецкой, выступавший в тот же день, показал слушателям всю аргументацию «Прогрессивного блока», касающуюся оценок происходящих событий. Но его апелляция была не только уничижительно-критической, в ней появилась новая черта – ссылка на эвфемизм «**обывательские настроения**» (заменяет термин «общественное мнение»), т.к. для агонального политического дискурса характерно наличие посторонних слушателей или судей. Именно такие обыватели писали Пуришкевичу: *«Вы бесконечно правы. Надо иметь смелость сказать настоящую правду нашему возлюбленному Государю – открыто, громко и ясно: **отечество в опасности**»* (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062/1/. Л. 1212). Как и в упомянутой речи Н.С. Таганцева, эвфемизм «**отечество в опасности**» использован здесь для того,

чтобы показать опасность революционной ситуации ссылкой на лозунг Великой Французской революции.

Не вызывает сомнений тот факт, что в 1916 – начале 1917 г., в условиях нараставшего политического кризиса, существовало типичное для политической агональности открытое противостояние. Противоборствующие стороны вели «боевые действия» друг против друга и старались причинить максимальный вред оппоненту. Стремление превзойти соперника зачастую было сопряжено с сильным психологическим переживанием. Примечательно в этой связи замечание В.Н. Коковцова о том, что Н.С. Таганцева во время выступления охватила форменная истерика. Широко применялись и тактики агрессивного поведения. Представитель монархических кругов, лингвист А.И. Соболевский 9 сентября 1915 г. писал И.А. Иванову после собрания октябристов, на котором А.И. Гучков предложил свой проект резолюции: *«Один из старых октябристов, человек почтенный, в ответ на его предложение встал и заявил, что он не согласен. Тогда Гучков указал на него публично перстом и гаркнул: “**Это вы губите нашу армию! Это вы ведете к посрамлению наше Отечество**” и т.д.»* (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1412). Эвфемизм «**Вы**» связывал депутата, несогласного с лидером октябристов, с «темными силами» и «правительством».

В политической победе участникам процесса зачастую видится некий сакральный смысл: знаки, везение, судьба, помощь высших сил. Член Государственной думы В.В. Лашкевич писал 23 ноября 1916 г.: *«Вчера в Гос. Совете были удивительные речи: все знамения, а имеющие власть не умеют до сих пор понимать эти знамения»*. Общественные круги оценили «эти знамения» (заменяли термины «перемены», «революция») по-своему. Князь А.Д. Голицын, выступавший в верхней палате российского парламента на заседании, о котором упоминал В.В. Лашкевич, писал 24 ноября 1916 г. Е.Н. Трубецкому: *«...Во всем происшедшем за эти дни в обеих палатах я вижу знаменательную – и надеюсь – решительную победу народного представительства над темными силами и над отжившими элементами, доселе царствующими у нас»* (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062/1/. Л. 1236, 1258). Царствовать в тот период мог только Николай II, следовательно, «темные силы», «отжившими элементами, доселе царствующими у нас» – явные эвфемизмы, прямо указывающие на его правление, однако их можно трактовать и как дисфемизмы.

5. Заключение

Стратегия эвфемизации, оказавшая решающее влияние на формирование политического дискурса, показала свою исключительную эффективность для объединения оппозиции в российском парламенте в годы Первой мировой войны. Анализ широкого круга документальных источников позволяет утверждать, что нестабильность политического дискурса Государственной думы и Государственного совета в 1914–1917 гг. базировалась на эвфемизмах, за исключением завершающего периода политического противостояния (1916–1917 гг.), когда доминирующий политический дискурс приобрел совершенно иной оборот.

Депутаты пользовались разнообразными речевыми стратегиями эвфемизации, что позволяет выделить четыре основных особенности политических эвфемизмов: политический эвфемизм описывал предмет или явление, имеющие негативную оценку или негативную коннотацию; эвфемистичная замена обладала семантической редукцией, т.е., в отличие от прямой номинации, в ней была сокращена доля информации; для политических эвфемизмов были характерны более позитивные ассоциации, призванные улучшить денотат; улучшение денотата носило формальный характер, что помогало адресату понять, о каком предмете или явлении идет речь, несмотря на использование эвфемизма.

По мере обострения кризиса и приближения Февральской революции оппозиционные силы переходили к агональным методам политической борьбы. Активно применялись эвфемизмы, имеющие двойное толкование. С одной стороны, они все чаще употреблялись в политической борьбе, а с другой – шел устойчивый процесс замещения эвфемизмов дисфемизмами. Именно манипулятивность позволила эвфемизмам стать важным инструментом в политическом дискурсе изучаемого периода, а политические деятели с их помощью эффективно воздействовали на слушателей и читателей. Таким образом, при формировании политического дискурса в годы Первой мировой войны роль эвфемизации значительно возросла, что позволяет говорить о явном кризисе в сфере политической коммуникации.

Список литературы

Алексикова Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010.

Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале англий-

ского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5–11.

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. Вып. 2. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 20–23.

Гусев В.А. Политический язык и проблема его понимания // Понимание и рефлексия в образовании, культуре и коммуникации: сборник научных трудов. Тверь: Тверской гос. ун-т. 2006. С. 82–85.

Дулесов Е.П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 96–100.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Михалёва О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Мичурин А.Н. «В Госсове – вавилонское столпотворение»: политические взгляды членов Государственного совета и состав «Прогрессивного блока» в 1915 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 4. С. 27–39.

Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.

Никитин М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. С. 3–24.

Ровинская Т.Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2002. № 6. С. 85–98.

Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 158–170.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Шейгал Е.И., Дешевова В.И. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 145–148.

Яновская В.Б. Государственная Дума царской России в оценках депутатов и историков // Родина. 2005. № 3. С. 34-42.

Ham K. The Linguistics of Euphemism: A Diachronic Study of Euphemism Formation // Journal of Language and Linguistics. 2005. Vol. 4. No. 2. P. 227-263.

POLITICAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN PARLIAMENT DURING THE FIRST WORLD WAR: STRATEGY OF EUPHIMIZATION

E.A. Besedina, T.V. Burkova, A.N. Michurin

*Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
e.besedina@spbu.ru*

The subject matter of this article is the strategy of euphemization in the formation of a new political discourse of the Russian Empire during the First World War, more precisely, from August 1914 to the events of February 1917. The aim of the work is to study the unstable political discourse of the State Duma and the State Council, their activities in the specified chronological framework. To analyze the use of euphemisms in the political discourse of the Russian Empire during the First World War, the authors engaged a wide range of sources, including parliamentary speeches of deputies, press materials, memoirs, and private correspondence. The main research method was comparative analysis. The article is written from the standpoint of an interdisciplinary approach that takes into account both the peculiarities of historical knowledge and the main provisions of the theory of political linguistics.

The study identified five main features of the political euphemisms in parliamentary speeches: political euphemism describes an object or phenomenon with a negative assessment or negative valence; a euphemistic substitution has a semantic reduction, that is, in contrast to the direct nomination, it reduces the share of information; political euphemisms are characterized by more positive associations aimed at improving the denotation; the formal nature of the improvement of the denotation; dysphemisms are used much more widely and more actively in the speeches of politicians as the crisis intensified from 1914 to 1917.

The authors have drawn conclusions about the role of euphemisms in the speeches of Russian parliamentarians during the First World War as an indicator of escalated political struggle. The intensification of the use of dysphemisms in the political speeches of deputies and the transition to confrontational agonality, which was distinguished by sufficient radicalism, is explained by the political crisis that is growing in the country in the second half of 1915–1916.

The results of the study can be used in studies on political linguistics, the political history of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, and the history of political discourse.

Key words: political language, Russian Empire, State Duma, State Council, political discourse, political euphemism, political linguistics.

For citation: Besedina, E. A., Burkova, T. V., & Michurin, A. N. (2019). Political discourse of the Russian parliament during the First World War: strategy of euphimization // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 75-84. (In Russ.).